

За какие-то десять минут виртуозные действия Дун Цзиня подняли количество зрителей его трансляции до немыслимых высот, втиснув её в первую десятку общего рейтинга семи вселенных.

Лэй Мин, один из верховных судей, лениво просматривал трансляции в поисках интересных моментов, попутно комментируя наиболее яркие эпизоды для зрителей. Разумеется, внезапный успех канала Дун Цзиня не укрылся от его внимания.

Когда зрители начали всё настойчивее требовать анализа действий новичка, бог ночи и драмы лишь рассеянно облизнул острый, звериный клык и хрипло процедил:

— Неинтересно.

— Хм? Почему, спрашиваете... Потому что он вышел из комнаты с левой ноги.

"Он" в данном случае относилось к Дун Цзиню, направлявшемуся к лифту отеля.

Столь откровенно пренебрежительное объяснение мгновенно вызвало волну недоумения среди зрителей. Но одна наблюдательная зрительница заметила нестыковку и отправила сообщение:

[Я специально проверила — он действительно шагнул левой ногой. Но как вы узнали, если даже не открывали его трансляцию?]

Вопрос мелькнул и растворился в бесконечном потоке сообщений.

Лэй Мин, погружённый в свои мысли, случайно выхватил его взглядом.

В следующий миг его тёмно-золотые глаза резко устремились прямо на зрителей по ту сторону экрана.

Этот взгляд обжигал как крепкий алкоголь и резал как холодный клинок.

Даже через экран ощущалась его высокомерная природа, сотканная из крови и пламени буйная харизма.

Зрители, включая автора вопроса, решили, что их настойчивость вывела Лэй Мина из себя.

Тон сообщений мгновенно изменился.

[...Я зазнался. Кто я такой, чтобы требовать комментариев от величайшего воина высших вселенных? То, что он вообще сидит в кресле комментатора — уже чудо. О чём ещё можно мечтать?]

[Кстати, слышали последние сплетни? Говорят, Лэй Мин задолжал колоссальное количество энергии Воле вселенной. Сначала я думал — чушь, это же Лэй Мин! Но теперь, видя, как он терпеливо сидит в кресле комментатора, начинаю верить, что дыма без огня не бывает.]

Пошептавшись ещё немного, часть зрителей покинула канал комментатора и вернулась к трансляции Дун Цзиня.

Тот как раз шёл по коридору десятого этажа отеля. В руке он держал длинный чёрный зонт, позаимствованный из стойки у входа, используя его как трость — странная и абсурдная картина.

При каждом шаге металлический наконечник зонта глухо стучал по ковру. Это пренебрежительное к окружающим поведение напоминало жуткое объявление о прибытии новорождённого хищника.

По крайней мере, все встреченные постояльцы-люди робели перед ним.

Когда он проходил мимо, каждый встречный невольно останавливался и опускал голову, пропуская его вперёд.

"Что за дела? Неужели никто не осмелится спросить, кто я такой?" — с лёгким разочарованием размышлял Дун Цзинь, уже войдя в лифт в конце коридора.

А ведь он подготовил целый алфавит планов на случай, если придётся утверждать свой авторитет и выведывать информацию у того, кто усомнится в его праве находиться здесь. Но ни один не пригодился.

"И это называется сборище злодеев? Где же их хваленая храбрость?"

Дун Цзинь загадочно вздохнул, вспоминая информацию, всплывшую над головами прохожих.

Всего он встретил троих в коридоре.

Под взглядом "Ока истины", активированного на минимальную мощность для экономии энергии, над их головами всплыли надписи "хулиган", "вор" и "мошенник".

Что касается двоих в лифте, затаивших дыхание от его внезапного вдоха...

Дун Цзинь посмотрел на их отражения в дверях лифта, над которыми плыли слова "грабитель" и "подрывник", и мысленно отметил впечатляющее разнообразие преступников в Отеле встречи демонов.

Похоже, его предположения оказались не совсем верны.

Эти люди вряд ли стали культистами, обманутыми злыми существами — нет, они просто были злыми сами по себе. Их привлекла чистая злоба аномальных существ, их покорила демонстрация силы, и теперь они готовы взрывать всё, на что укажут хозяева.

Теперь понятно, почему отель назвали "Встречей демонов".

Ад пуст — все демоны здесь.

Лифт быстро спустился на первый этаж.

Дун Цзинь, не обращая внимания на застывших позади попутчиков, целеустремлённо направился в холл отеля.

Возможно, из-за позднего часа, на стойке регистрации никого не оказалось.

Его взгляд скользнул от журнала регистрации к тускло светящемуся экрану компьютера. Информация, всплывшая над обоими предметами, заставила его отказаться от мысли найти способ удалить свои регистрационные данные.

Надписи гласили:

[Компьютер администратора: Новейший компьютер этого века, используется только для самостоятельной регистрации под фальшивыми именами.]

[Журнал регистрации: Хотя это и журнал регистрации, с момента начала использования в нём не было записано ни слова правды.]

Логично. В отеле такого типа никто не станет регистрироваться под настоящим именем.

Судя по описанию подземелья, его персонаж заселился случайно — просто зашёл, когда холл пустовал, воспользовался автоматической регистрацией и по какой-то случайности оказался здесь.

Раз все записи по умолчанию считаются фальшивыми, а заселился он в полночь, когда его почти никто не видел, можно не беспокоиться об этой стороне дела.

Если позже встретится кто-то, видевший его до маскировки, придётся импровизировать. Можно сказать, что вселился в чужое тело, или поглотил того человека ночью — неважно, поверят или нет, он будет настаивать, пока не поверят.

После решения проблемы с личностью, фортепианная музыка из холла, прежде игнорируемая Дун Цзинем, зазвучала отчётливее. Если память не изменяла, в углу холла стоял всего один рояль. Какой же скоростью должны обладать руки пианиста, чтобы создать эффект игры двух инструментов?

Музыка начиналась с тихого ночного шёпота басов, постепенно меняясь, превращаясь в безумную, исступлённую мелодию. Дун Цзинь почувствовал внезапный порыв отбросить все ограничения, поддаться инстинктам и раствориться в диком празднестве.

Заметив странность в музыке, он не выказал ни малейшего беспокойства. До крови прикусив язык, он дождался окончания пьесы и лишь затем неспешно, с видом полного самообладания, направился к исполнителю.

В отличие от коридора, холл не устлала коврами. Наконечник зонта отбивал по полу чёткий ритм. Пианист, до этого сидевший спиной к Дун Цзиню, повернул голову, окинув его спокойным взглядом золотых глаз.

Откровенно говоря, лицо музыканта удивило — не своим совершенством, а поразительной заурядностью. Дун Цзинь мельком оглядел его рыжие волосы и золотые глаза. Внешность настолько типичная — два глаза, нос, рот — что затерялась бы в любой толпе. Даже после пристального взгляда черты лица не отпечатались в памяти.

В этом и крылась проблема. Рыжий и золотой — насыщенные, яркие цвета. Даже в сочетании с самым заурядным лицом они не должны создавать эффект мгновенного забвения.

Значит, внешность — маскировка.

Кем бы ни был незнакомец, как бы искусно ни притворялся человеком, мелодия, влияющая на рассудок, уже выдала его нечеловеческую сущность. Осознав это, Дун Цзинь активировал "Око истины" на максимум, не жертвуя при этом жизненной силой.

Перед глазами возникла многозначительная информация:

[??: мужчина, взрослый ■■, прирождённое зло.]

[Безумец, сохраняющий хладнокровие; маньяк с улыбкой на устах.]

[Считающий себя художником, он скрывает тайну, неведомую даже ему самому.]

[Кстати, он неистово жаждет заполучить душу ■■■■.]

Не впервые Дун Цзинь сталкивался с настолько зацензуренной информацией. Чем сильнее существо под его взглядом, тем меньше и отрывочней данные о нём. Нынешний результат ещё терпимый — когда он пытался считать Лэй Мина, перед глазами возникла лишь чёрная пустота.

Впрочем, неважно. Он никогда не стремился докопаться до сути. Достаточно знать, что перед ним могущественное нечеловеческое создание, пока не проявляющее агрессии. Раз не удалось получить информацию от других постояльцев, возможно, удастся выведать что-то у этого существа, наладив отношения.

С этой мыслью Дун Цзинь начал представление. Улыбнувшись, он легонько постучал зонтом об пол и под бесстрастным взглядом существа спросил с подчёркнутой непосредственностью:

— Что это? А это... что такое?

Создание оказалось на удивление терпеливым и сообразительным. Несмотря на внезапность вопроса, оно уловило смысл и ответило:

— Это фортепианная пьеса под названием "Нисхождение бога". А это — рояль.

"Ну конечно, — мысленно усмехнулся Дун Цзинь, — если подземелье называется "Нисхождение богов", то и музыка должна соответствовать. Прямо пасхалка какая-то".

Продолжая внутренний монолог, он перевёл взгляд на руки существа, лежащие на чёрно-белых клавишах. Через три секунды появилась отдельная информация:

[Эти руки созданы для искусства. А что есть искусство — определяет их хозяин.]

Судя по описанию, перед ним художник, склонный к затворничеству и периодическим приступам безумия. Заметив, как пристально существо разглядывает его неприкрытое бинтами лицо, особенно два красных шрама в уголках губ, Дун Цзинь мысленно добавил: "И, похоже, ценитель красоты".

Определившись с характеристикой, он не стал беспокоиться о том, не станет ли сам объектом этого "искусства". Вместо этого небрежно смахнул правую руку существа с клавиш и коротко приказал:

— Подвинься.

Внешне сохраняя спокойствие, Дун Цзинь приготовился мгновенно отпрыгнуть при малейшем признаке агрессии. Но худший сценарий не реализовался.

Существо молча изучало красные метки у его губ, после чего встало с банкетки, освобождая место. Впрочем, далеко не ушло — замерло в трёх шагах, явно намереваясь понаблюдать за происходящим.

Дун Цзинь не стал прогонять его дальше. Сначала он словно пробовал инструмент, пробежавшись по семи октавам, заставив наблюдателя поморщиться. Затем положил обе руки на клавиши и обрушил на них шквал звуков.

Мелодия полилась стремительная, жуткая. В непрерывном переплетении высоких и низких нот чётко проступали ужас и трепет — точно смертный впервые осознал явление Короля демонов.

Даже профан в музыке понял бы гениальность этого произведения. Что уж говорить о явно искушённом существе. Оно лучше других улавливало бесконечное искушение и безумие, таящиеся в нотах, превосходящие даже его собственное "Нисхождение бога".

Спустя почти пять минут Дун Цзинь встал. Существо, незаметно подкравшееся почти вплотную, хрипло спросило:

— Что... это было?

На миг Дун Цзинь ощутил его горячее дыхание на своей спине.

— Название — "Король демонов", — ответил он.

Столь резкая перемена в поведении существа не удивила его. Ещё бы — легендарный "Лесной царь" Шуберта с Земли. Кто устоит перед "королём песен"?

Да, "Нисхождение бога" впечатляло, но любой, у кого есть уши, признает превосходство "Лесного царя". Высший космос любит дразнить музыкальными пасхалками? Что ж, он не только достигнет цели, но и отплатит той же монетой.

— Кто ты? — прозвучал знакомый вопрос, и Дун Цзинь наконец выдохнул с облегчением. Не зря старался до онемения пальцев — существо клюнуло.

Для таких творческих натур нет ничего притягательнее великого искусства.

— Разве ты сам не видишь, кто я?

— Как тебе эта мелодия? Меня она поразила с первого прослушивания.

Не зная, способно ли существо распознавать ложь, Дун Цзинь ответил вопросом на вопрос,

попутно отвлекая внимание на музыку.

Но когда он отступил на шаг и снова встретился взглядом с собеседником, его охватило смутное предчувствие потери контроля над ситуацией.

Существо смотрело на него взглядом хищника — чистым, жадным, пожирающим. Несмотря на человеческие черты, никто, увидев такой взгляд, не принял бы его за человека.

— Я знаю, что ты — иное существо, — сейчас его глаза видели только Дун Цзиня.

Золотая радужка казалась спокойной, но под этим спокойствием бушевал шторм:

— Я спрашиваю твоё имя.

В момент, когда прозвучали эти слова, Дун Цзиню почудились далёкие фанфары праздника, он словно увидел бесконечный пир в языках пламени, ощутил первобытный аромат абсолютной свободы.

Что за чудовище перед ним?

Не дождавшись ответа, существо, похоже, что-то для себя решило и представилось:

— Меня зовут Ка Лэ.

— Дун Цзинь, — отозвался он, зная о правиле Высшего космоса "не раскрывать истинное имя".

Знание истинного имени божества или демона означало уникальную связь с ним. При определённых условиях знающий имя мог даже призвать существо.

Но то правило Высшего космоса, а он в космосе третьего уровня. То правило для богов и демонов, а он человек.

Он не принимает молитв и не откликается на призывы.

Поэтому нет смысла скрывать его имя.

— Ты спустился сегодня ночью, верно? — после обмена именами Ка Лэ заговорил прямее.

Он словно сам разрушил чёткие границы своего образа, излучая странную ауру — одновременно утончённую и разнузданную.

Несмотря на дружелюбие собеседника, его слова заставили Дун Цзиня мысленно подсчитать длительность "Нисхождения бога". Судя по структуре, пьеса длилась около четырёх минут. Он покинул холл и поднялся в комнату десять минут назад, так что они с Ка Лэ разминулись.

Быстро проанализировав ситуацию, Дун Цзинь снова взглянул на Ка Лэ.

Судя по выражению лица, тот ничего не заметил — значит, действительно не встречались раньше.

Тогда откуда такая уверенность во времени его появления?

В следующий момент Ка Лэ, видимо уловив его замешательство, продолжил — здравомысляще, но без должной сдержанности:

— От тебя пахнет бурей.

— До этой ночи я тебя не встречал.

— Если бы встретил, никогда бы не забыл.

Услышав это, Дун Цзинь молча смотрел на Ка Лэ сквозь бинты.

Хорошая новость: цель наладить контакт с нечеловеческим существом достигнута.

Плохая новость: кажется, он перестарался, и контакт стал слишком тесным.

Разглядывая геометрический узор красно-золотого костюма Ка Лэ, не способного скрыть его идеальное телосложение даже авангардным кроем, Дун Цзинь прикинул шансы на победу в случае конфликта.

Подсчитав вероятности, он мудро решил прикинуться простаком.

У него не было ни совести, ни морали, тем более перед прирождённым злом из подземелья.

С таким безумцем, сам идущим в руки, следовало поступить просто: использовать, пока возможно, а когда станет невозможно — найти способ избавиться.

В конце концов, после завершения подземелья они больше не встретятся.

<http://bllate.org/book/13401/1193038>